

Времени нет и в помине? И юность легко сравнима со старостью, обнимаются они, как весёлые сёстры, и по-толстовски можно зленеет старый дуб-богатырь, и переключаются юный нежный словушка и старая мудрая, уставшая человечки года считать, седая кукушка?..

Но ведь символ этот тоже трагический... символ-знак... Кукушка-то — да, нам годы считает... Кукушка, кукушка, сколько лет мне осталось жить?..

Мы птице этой такой вопрос детьми задавали, залившись хохоча, заслышав её мерные, монотонные, как тиканье часов или удары метронома, вскрики в лесу. Чаша жизни! Всё равно перейдем тебя из конца в конец!

Варится варено, мелеется мелево — Вечносто неустойчивая снесь.

Елена КРЮКОВА Родиться заново

Размышления о поэзии Виктора Кирюшина

*Старое дерево, старое дерево
Снова надеется зазеленеть.
Свежей корою заглянуло отметину
Молнии, плоть опалившей твою.*

*Слышишь, за речкой
кукушка ответила
Юному, в неге любви, словую?*

Виктор Кирюшин в поэзии — и живописец, и музыкант, его мазики и штрихи видишь, его музыку, даже тишающую, слышишь; но звучит в нём, во всей совокупности его творчества, одна могучая нота, и она часто перескльивает всё красочное, строгость церковного хора побеждает любые мирские изобразительные моменты.

Это нота высокой философии. Всякий художник — философ. А основная позиция художественно рождённой философии Кирюшина — и это в стихе тоже видно и слышно, — пожалуй, даже не отдельно взятая нота, а интервал.

Сопражение малого и великого, микромира и Вселенной — и боль суждённого всем ухода с нашей прекрасной, столь измученной-изблёванной-использованной нами, людьми, многострадальной земли.

Консонанс ли этот интервал? Или диссонанс?

*Вселенная без края и конца
Вселяя б ужас до последней клетки,
Когда б не трепыхалась у лица
Листок зелёный*

с муравьём на ветке.

Мы носим великость Космоса в себе. Порой эта ноша неподъёмна. Садимся, утыкаем лицо в ладони. Ах, это уже с нами было! Когда-то! Давно! И вот повторилось... Повторяемость Мира, репризность его, возвращение наше на круги своя — и не только наше, но и Времени самого — как охота разгадать дрожжащую в тумане дней траекторию, открыть, почему Время возвращается, как звери возвращаются на водопой, и вместе с собою возвращает нас...

И мы находим потерянное.

И мы изумляемся: почему я про это, наиважнейшее, гибельно забыл!..

И мы спокойно и светло глядим туда, куда вчера глядели с ужасом и отчаянием.

*Наступает в свой черёд
То, что было многократно:
Даже двигааясь вперёд,
Возвращаешься в обратном.
Прорастает, как лоза,
Наше прошлое в грядущем,
Но раскаяния слеза
Не видна во след идущим.*

И мы можем молиться и прощать. Ибо прощение — благодать.

*Снова сгорают в багряном озне
Тихие роищи.*

*Время подумает о завтрашнем дне
Строже и прощ.*

*Что там в логу, на ветру трепещи,
Шепчет осина?*

*Время прощай
Даже то, что прощать
Невыносимо.*

Поэт прямо, храбро и печально глядит в лицо смерти. Смерть — не та материя, о которой можно упомянуть походя, вскользь, густо изукрасив речь свою самоцветами эпитетов и восклицаний, беззастенчиво впадая в лживый, лицемерный пафос. Смерть — то, рядом с чем нужно и можно молчать. Но как быть поэту, тому, кто искусством своим избрал Слово, гордый самосветящийся Логос?

«Умри и возродись» — древний архетип. Умирающий и воскресающий Бог нам о той незапамятной древности всем своим Бытием говорит. И мы не можем не помышлять об этом парадоксальном и, для многих, житейски, былово настроенных людей, нереальном пути. И так же будем просить в урочный час: «Отведи от меня чашу сияю!». И так же смиренно и счастливо закрывать глаза, ощущая: суждено, суждено не только уснуть во смертных муках, но и проснуться...

*Ходит солнце по низкому кругу,
Гаснут стилье они вдалеке,
Чтобы снова по кропному лугу
Вышла цапля к остывшей реке.
Это дерево знает и птица,
И вода понимает, и твердь:
Можно заново будет родиться,
Если только рискнёшь умереть.*

***

Виктор Кирюшин работает с архетипами и работает на архетипах.

Почему это так важно? Да ведь это напрямую — работа с основными положениями и всеземной, и родной русской культуры.

Вот идёт в стихах Виктора Кирюшина странник.

О, какой архетипический образ для всего русского искусства! Тут и Афанасий Никитин, идущий-плывущий за три моря, и скорбный странник с посохом в «Боярыне Морозовой» Василия Сурикова, и с котомкой кочевой за плечами, прищуривший вдали, молодой Горький, и лирик Родина Иван Бунина, и повлекшийся за Катюшей Масловой, ставший невольным странником прижизненный заседатель Нехлюдов у Льва Толстого... Паломники, путешественники, скитальцы...

Скажите, кому не хотелось минуть на плечи котому и пуститься однажды в неведомый путь...

*Всё бродит, взяв суму да посох,
Вдали от псов сторожевых,
В полях пустых и безгословных,
В лесах почти что неживых.
Где ливень хлещет, ветер свищет,
Блещат молнии во мгле...
То, что, странник этот ищет,
И не бывает на земле.*

Очень показателен здесь грозовой, неистовый пейзаж. Пространство буйствует, гремит, устрашает.

И — смолкает! Поля — пусты. Они — молчат. Не звучат. Таким бывает не земля — Иномирие. Запредельность. Посмертие.

Но каков и ландшафтный, и образный контраст! Леса странно неживые, а воздух вокруг странника, вся атмосфера, то, чем он дышит, — неистовствует и содрогается. А скиталец-то этот, дождями побиваемый, как казачьи гологофскими кнутами, бредёт — куда? Ищет — что? Да он и сам не знает! Стремится к незнакомому! К тому, чего на земле никогда не бывало!

К небывалому...

Помните русскую сказку, где царь приказывает Андрею-стрелку: «Поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что»? Куда пойти? В мир иной. Это значит — за грань жизни. В смерть.

Что там, в посмертии, найти — и принести обратно, в мир живых?

Странник, дай нам ответ! Опасно там. Страшно. Необъяснимо. Да надо ли обьянять неминуемое?

Да ведь Андрей-стрелок может там, в посмертии, и навек остаться... И — всякий из нас...

Как прекрасно жить! Здесь и сейчас! Жить, быть, дышать! Любить...

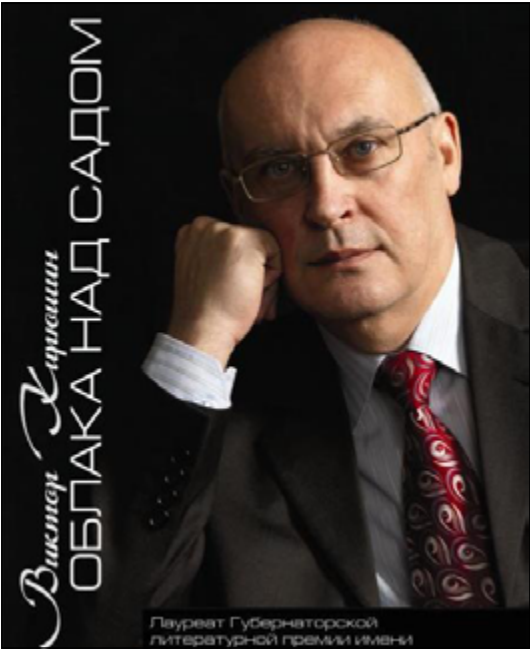
*Не уходите, полюбите
чуть у порога,
Не возвращает ушедшего
эта дорога.*

*Прошлое можно
лишь памятью сердца окликнуть.
Надо привыкнуть,
к чему невозможно привыкнуть.
Только успеть бы,
своею на ветру догорая,
Просто обняться*

*у самого-самого края,
Урубже, за которым иная обитель...
Не уходите, друзья мои, не уходите!
Что вся наша философия рядом с живою,
горячей любовью?*

Что все наши трагические размышления в виду рыбацкого костра, мерцанья звезд, нежно светящегося в ночной тьме любимого лица?..

*Мне столько в жизни выпало любви!
Ту речку вспоминаю и поныне,*

*Где молнией мерцали голаали
В предупренном
тумане на стремнине.*

*Стоял июнь, цвели вокруг луа,
К воде клонились сумрачные ели...
Потом иные были берега,
Водовороты, омуты и мели.*

*(...)
Жизнь, как река — внезапна и быстра.
А был ли счастлив я на самом деле?
Лишь только там, у тихого костра,
Среди земли, как будто в колыбели.
Поверим. Сбережём. Запомним. У
сердца понесём. Утешимся. Возрадуем-
ся. Восплачем. Помолчим.*

Вместе с большим и светлым русским поэтом Виктором Кирюшиным.

Проблема гаджетозависимости в нашем обществе становится острее с каждым годом, распространяется стремительно и бесконтрольно, подобно опасному вирусу, и захватывает в свои сети всё больше представителей самых разных поколений. О том, как не стать пленником смартфона и сполна ощутить красоту окружающего мира, рассказывает книга Ирины Иваськовой, выпущенная в этом году Санкт-Петербургским издательством «Антология».

Имя Ирины Иваськовой хорошо знакомо читателям «толстых» журналов: её рассказы и небольшие повести публиковались в «Нашем современнике», «Сибирских огнях», «Север», «Подъёме» и других изданиях, в том числе сетевых «Формаслове» и «Литературе». Всегда филигранно выписанная, умная и образная, психологически тонкая, лирическая и полная сострадания к героям проза автора не раз получа-

Сергей ЛЁВИН

За аватарками совсем не видно лиц

О повести Ирины Иваськовой «Три смартфона и блогер Клик»

ла высокую оценку коллег по перу: Ирина — лауреат ряда престижных творческих конкурсов и обладатель гран-при I Всероссийского литературного фестиваля «Поэзия русского слова».

Кроме того, она успешно пишет рассказы для детей — адресованную дошкольникам и учащимся начальных классов развлекательно-познавательную трилогию о мальчике Тимоше («Здравствуй, Понедельник!», «Тимоша и первоклассная бабушка», «Тимоша и поперечный день») читают и любят в разных уголках страны.

В «Трёх смартфонах» Ирина Иваськова обратилась к теме, которая беспокоит многих родителей, сталкивающихся с тем, что их детей становится всё сложнее оторвать от экрана смартфона, планшета, ноутбука или компьютера. Интернет располагает тысячами соблазнов: игры, «видосами», соцсетями. Всё сделано для того, чтобы «сёрфить» по страничкам можно было бесконечно.

Ворвавшийся весной 2020 года в нашу жизнь с напором селевого потока коронавирус ещё крепче «подсадил» на онлайн-«иглу» не только детей, которые были вынуждены учиться в школах дистанционно, но и родителей, переведённых на «удалёнку». Но пандемия прошла, а зависимость осталась...

Вот и родители семилетнего Ромки — люди интеллигентные, кандидаты наук, у которых «всякими дипломами и грамотами все стены в квартире увешаны», целевыми днями не отрывающих от экранов: в телефонах у них нескончаемая чередой продолжают важные деловые переговоры с коллегами из других городов и даже стран, лекции и семинары. И сын, который практически не расстаётся со смартфоном в ожидании новых роликов от анимационного блогера-хомяка по кличке Клик, получает всё меньше и меньше тепла и внимания. «Видосики» эти незатейливы: зверёк показывает, что будет, если на мяч наедет асфальтоукладывающий каток, или что останется от огурца, сброшенного с восьмого этажа, но Ромке, как и тысячам других подписчиков виртуального персонажа, они нравятся.

Ирина Иваськова использует фантастический приём: в один июньский день родители внезапно оказываются внутри своих смартфонов, реализуя в действительности фразу «сидеть в телефоне». В свою очередь, в наш мир проникают гости из интернета: весельчак Клик и его постоянный соперник в гонке за лайками и комментариями — лис Бисквит.

времени посвящают не живому общению с детьми, а просмотру новостных лент и соцсетей.

Значительный вклад в притягательность книги внесла художник Елена Кураш, создавшая галерею запоминающихся и самобытных персонажей. Блогер-хомяк с его невероятно уморительной мимикой способен обаять даже тех, кто на дух не переносит животных.

Ещё одна ценная особенность издания — написанное от имени Клика послесловие «По-настоящему полезные советы». Здесь можно узнать, как важно беречь зрение при использовании гаджетов, за какое время до сна желательно прекращать компьютерные игры, какие правила вежливости необходимы для общения в виртуальной реальности. Особенно полезны рекомендации по информационной безопасности, которые помогут начинающим пользователям сохранить личные данные и не стать жертвой мошенников. Написанные простым и доступным «хомяковским» языком советы усвоятся намного лучше любых скучных лекций.

И, конечно, лейтмотивом всей повести становится мысль о том, что каким бы притягательным, ярким и волнительным не был мир внутри смартфона, он никогда не заменит реальную жизнь. Понимает это даже цифровой хомяк, который в своём ключевом монологе восклицает: «Тысячи подписчиков — всего лишь имена и крохотные аватарки, я даже не вижу за ними настоящих живых лиц. А ведь каждому из них за пределами смартфона доступен целый мир! А мне, может быть, страшно завидно. Мне, может быть, тоже хочется дружить, и радоваться жизни, и чтобы всё это было со мной по-настоящему, реально!».

Переоценка ценностей происходит и у Ромки, и у его родителей, и даже у балагура Клика, который в итоге делает выбор... А вот об этом лучше узнать в самой повести, скрывающей несколько непредсказуемых сюжетных поворотов.

Хочется пожелать новой книге Ирины Иваськовой успешной судьбы и востребованности у читателей, для которых она, без сомнения, станет и лёгким, полным солнца и тепла летним приключением, и важным уроком, как не потерять себя и не пропасть в Интернете навсегда, как это едва не произошло с Ромкиной семьёй.

Как известно, бытие ощущается в разных формах, усложнённых и упрощённых, причём в литературе оно отражается от экспериментальных до традиционных, стилистически выверенных подходах, методах подачи материала. И здесь важно отыскать свой способ передать поэтические образы миру, иметь свой особый, отличный от других, голос. Литературно-художественное, духовно-нравственное, историко-культурное измерение поэзии Александра Орлова безгранично. Он искусно балансирует на тонкой грани — между мифом, легендой

движение, развитие жизни, вершится человеческая судьба. Хотя нечто загадочное стоит искать у себя дома и не предаваться забвению истоки прошлого:

*Но кто она? Истоптанная пахиты?
Исхожая от старости тропы?
Она покой готова взбудоражить,
На ней коряги, яды, черепа...
Она ведёт куда? Кто дал ей право
В крутых извилах за собой вести?
Она щедра, немилита, и лукава,
На ней исчезли войны и вожди.*

Александр Орлов опирается на прочную национально-историческую почву

Людмила ВОРОБЬЁВА и Русь христианская в поэзии Александра Орлова

и правдой истории, — обладая при этом острым публицистическим взглядом на мир. Будучи выразителем подлинного народного духа, поэт и прозаик черпает вдохновение отовсюду, испытывая тягу к самобытной и независимой жизни, к древнему русскому колориту.

Масштабность авторского мышления в новой поэтической книге проявляется выразительно и красноречиво: буквально в первом разделе «В местах небылих» читательскому взору открывается историческая ретроспектива — поэтический космос народного бытования. Философский поиск всегда связан с внутренним преодолением: автор осмысливает национальные корни, чтобы помочь каждому из нас найти себя за бытием. Он влечёт неведомый мир, который он непрерывно открывает в своей душе и в метафоричных, насыщенных красках переносит на историческую палитру, тем самым воссоздавая собственную реальность:

*Я говорил в тиши с пустой дорогой,
Что есть во мне, и в ней,
и в нас двоих.*

*Она казалась мне вдовой убогой,
Делившей всех на мёртвых и живых.*

В глобальной обзорной картине мира дорога — объёмный философско-эпический архетип направленной движения и следования. Традиция благочестивых хождений začínалась в стародавние времена. Классический канон русской литературы — пускаться герою, подобно Одиссею, в далёкие путешествия, обретая мудрость. Поэзия, как и жизнь, находится в бесконечном движении, в вечном странствии. Путь — важный пространственный образ, присущий народному духу достижения цели, когда вершится

и ставит такую же основательную задачу — поднять родовую генетическую память, стремиться, как это делали древние философы и мудрецы, «очертить настоящее во времени». Огромная панорама вселенной — бесконечная дорога жизни простирается перед ним, уходя далеко за горизонт:

*И я по ней иду — и шаг за шагом
Расстраиваю время, а потом
За лесом, за полями, за оврагом
Исчезну на рассвете вековом.*

Лишь три вещи не исчезают на свете: любовь, искусство и память, которая вопреки Эклипсасту не проходит и противостоит уничтожающей силе времени. Русская духовность — это память русского народа, переходящая в историческую, культурную память человека как личности. Как тут не вспомнить знаменитые строки «солнца русской поэзии» Александра Сергеевича Пушкина:

*Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному теплу, к
Любовь к отеческим гробам,
Животворящая святость!
Земля была б без них мертва.*

Прежде всего, история побуждает нас моральному ответственности за свою Родину. Александр Орлов обладает ярко выраженным нравственным взглядом на историю. В его стихах прочитывается глубокий философско-эпический подтекст, видится чёткий графический контур строки, слышится чёткая интонация:

*Мне хлестали дожди
правду жизни не раз
Сквозь туманы, чей запах был зорек,
Но не верил я в неба улыный показ —
Шёл на свет, как за правдой историк.
И слезявые тайны некошеных трав,*

*Что изрезаны вдоль редколесьем,
Мне шептали о том,
что исцелить был прав*

И что все мы с рождения эрезим.

Исторический код русского народа — это славянские корни. Только погружаясь в седую древность, можно найти ответы и в дне сегодняшнем. Главным средоточием книги «Ожившее солнце» стала Русь: культурное поле, находящееся в ней, — исконное поле Русской земли. Что есть история? Где её истоки? Как зарождалась старозаветная Русь? И тут, пожалуй, художнику-историку, полностью проникну-

тому этим «языческим духом колдовским», нет равных. Настоящая поэтическая мозаика бытия и сознания сюжетов и явлений ещё не раз и удивит читателя, и отзовется в нём восторженным приливом эмоций! Мы

словно погружаемся в царство гармонии и свободы, коему предшествовала та длинная интонация, что необходима как в творчестве, так и в предистории начала языческой мощи той неведомой Руси:

*Я пробуждался, понимая: мир — ничей.
И солнце в чудотворном карауле
Ко мне прислало тысячу лучей...
<...>
И от стогов, неубранного жита
На небо возносила русский дух,
Особождённый*

от назойливого быта.

Какая-то чудовищная сила всплывает из глубины, и со сна памяти поднимаются образы и картины, обращённые к языческим сказаниям и древним легендам, — те стержневые архетипы, что ошеломляют своеобразием творчества, сугубо индивидуальным оригинальным стилем. Литерический герой путешествует среди двух миров, легко перемещаясь от прошлого к настоящему, словно освобождаясь от давнего заклятия. «Древности вечной священные пни», «тайна, былина, загадка» — длинная цепь ассоциаций — путеводная нить воображения. Стихотворение призвано быть проводником, и оно у Александра Орлова является таковым.

«Полудница» — «грудастая ржица», «Житни» — «краткий полевич», «Жихарь» — «потусторонник», «Хозяин вод» — «повелитель рыб и водяниц», «Хранитель чащоб» — «кмарный лесовик» — это ещё с незапамятных времён персонажи мисти-

ческие, крепко цепляющие наш взгляд, не исключено, некоторые из них являются вестниками несчастья, коим в той или иной степени присуща непреклонная мысль о жертве. Автор, вне сомнения, привлекает наше внимание своим литературно-мифологическим уровнем мышления, вызывает неоспоримое желание преодолеть внутренний страх:

*Вы мне воды не срезаете,
Убирайтесь скорей,
Вы, кудлатые нежити,
Духи мрачных полей!*

*Ваше вежды навекате
Пожирают меня.
Перестаньте, не кликайте
У свечного огня.*

Получается странная и весьма соблазнительная картина, некий жуткий гологофильм эффект стекается тяжёлым нехорошего предчувствия. Тёмная радость исходит из низших миров земли, ты ощущаешь своё собственное метафизическое присутствие внутри этого колдовского пейзажа. Неповторимое и уникальное величие каждого топоса — тайна места. Духовные сущности, какими считаются духи, боги, демоны, ангелы и другие аналогичные им персонажи, — существа земные, практически бессмертные. В стихах даётся многоликий срез глубинно-сущностных пластов национального мира. Миф и гротеск, система контрастов, гологофильм фантазматическая в русской средневековой мистике Орлова, искусно преобразовавшего художественные открытия признанного классика русской и мировой литературы, приобретают совершенно новое звучание. Синтез фантастического, эпического, сказового, реального, романтического создаёт в книге тот художественный магнетизм текстов, без чего любая поэзия утомительна и уныла. Что примечательно: художник выбирает одно наиболее яркое и чёткое изображение, с помощью которого выстраивает всё стихотворение, — свой эйдос, первообраз. Его страстно влекут и захватывают мистические иллюзии. Но именно они скрашивают нашу жизнь, и тогда, быть может:

*Ночь рассветом разгадана,
Солнце — мой золотник.
Вет запалом лада
Алой осени лик.*

Александр Орлов уверен, что настоящая эпоха является колоссальной возможностью слияния Средневековья и Нового времени. В Средневековье не было будущего, праистория человечества явственно напоминала глубокую вечность. Плавно текло земное, несомимо струя-

щееся время, медленно разворачивался свиток, на котором проступали очертания ползущих столетий, вбирающих в себя это царство времени, как в стихах «Тыма»:

*Неба погасшего полупотенки
Ночь измелычила до полупотенки.
Я был прижаться к тебе не готов,
Ты опустилась ко мне на колени.
Время текло безвозвратно и снуло,
Ты, как и прежде, горька, холодна,
Тяжело печально меня обняла...
В мрачной глуши тарабанил желна...*

Враждебность этой ночи, как тать, что сродни чёрной птице желне, конкретно отвечает сухому тревожному и графическому рисунку художника, характерному плоской иконописи Средневековья. Здесь всё символично: зажжённые «пасхальные свечи» и тьма на «выжженном пне». Возникает невольная параллель с точными, выверенными образами Алексея Пасолова:

*Одарие пронзительным простором,
Ночь встает, глаза та и нага.
И не спит живое — то, в котором
Звери чуют брата и врага.*

Пытается прикоснуться к великой Книге бытия, Александр Орлов удаётся запечатлеть момент Руси значительной и уходящей — её тернистый путь от язычества к христианским святыням: от пантеона славянских богов до крушения кумиров. Путь к единению Руси был труден, мучителен был и переход к подлинной вере, не отпуская идолы и жрецы, карая за отречение. Однако необъяснимых вещей на свете нет, иначе зачем писать книги. Типологические пересечения строк, пересечения эпох и судеб — две Руси встречаются у поэта в одном сакральном месте, произанном бессмертием:

*Дожди смывают сазы,
Шумят наперевы,
И слушаю рассказы
Под утро мы с тобой.*

*Обытай бездорожем
В заснеженной грязи
На капище Сварожьем
Две веры, две Руси.*

Крепкие словесные мазки подчёркивают быстротечность ускользающей реальности. И на великом творческом древе дрожат, но держатся в этот осенний «листобой» последние живые листья, олицетворяя собой вечное таинство жизни, раскрывающееся нам в волшебных причудах словесности. Необычный образ Руси — торжество её природы, путей и дорог, богатство фольклорно-мифологических явлений и персонажей — то, что всегда останется старинной древней народной мудрости и памяти, мироощущения и

Ромке и его подруге — смешливой девчонке Наде, для которой путешествия с семьёй всегда приоритетнее любых видеороликов и популярных приложений, предстоит разгадать, как вернуть всё на круги своя: вытащить родителей из виртуального пространства, а компьютерных зверушек отправить обратно в их дивный цифровой мир.

Повесть наполнена мягким юмором — за него отвечают неунывающий и вечно голодный хомяк и сосед Ромы по фамилии Дошечкин, мнительный ворчун, которому всюду видятся происки таинственных недоброжелателей.

Однако при всех своих лёгкости и задоре «Три смартфона и блогер Клик» — книга, говорящая с юными читателями на очень серьёзную тему и крайне актуальная именно сейчас, когда эпидемия гаджетозависимости приобретает воистину катастрофические масштабы. Полезна она будет и родителям, которые часто сами не замечают, сколько личного

